

Личное дело Генри Резника: знаменитый адвокат встречает 85-летие

По его делам можно изучать историю всей страны за последние полвека и даже больше. Генри Резник был защитником по громкому в СССР «хлопковому делу», он защищал от обвинения в госизмене начальника Службы безопасности президента СССР генерала Юрия Плеханова, защищал судью Сергея Пашина, диссидентку Валерию Новодворскую и многих других знаковых личностей.

Он представлял в гражданских процессах интересы президента России Бориса Ельцина, государственных и политических деятелей: Егора Гайдара, Анатолия Чубайса и т.д. Но самое главное – он вступался за журналистов и правозащитников (в их числе обозреватель «МК» Вадим Поэгли, на которого подал в суд министр обороны Павел Грачев, и подвижник Олег Орлов, которого хотел привлечь Рамзан Кадыров), а также целые правозащитные организации (последние два «кейса» – по ликвидации признанного иноагентом «Мемориала» и «Московской хельсинкской группы»).

При этом Резник всегда стоял на своем: высшей ценностью, определяющей смысл и применение любых норм закона, являются права человека. И за все последние годы, пожалуй, никто лучше его не объяснял служителям Фемиды, что такое честь и достоинство личности.

К 85-летию юбилею легендарного адвоката-правозащитника – материал о нем «МК».

Мало кто знает, что Генри Резник, во-первых, был отличным волейболистом, во-вторых, мечтал стать журналистом, в-третьих, любил работы легендарного юриста (создателя русской школы судебного красноречия) Анатолия Кони. Казалось бы, эти три фактора никак не связаны. Но нет, именно они определили будущее Генри Резника. Поскольку на специализацию «журналистика» в Среднеазиатском университете в Ташкенте (а жил он там) брали только с третьего курса, то он решил поступить сначала на юридический. И знание трудов Кони в этом ему помогло. А потом высокопоставленный чиновник из МВД вызвал Резника и попросил поработать в следственном управлении министерства внутренних дел Казахстана. Как выяснилось, он был фанатом волейбола и хотел, чтобы молодой человек создал волейбольную сборную в МВД Казахской ССР. И так Резник стал следователем в далекой советской республике.

Про свое первое дело Генри Маркович вспоминает с юмором (впрочем, он всегда старается шутить, когда вспоминает свои приключения).

А история была такая.

В отделе капитального строительства Алма-Атинского облисполкома вскрылись хищения. Среди прочего пропал один мебельный гарнитур, предназначавшийся для дома отдыха. И вот Резник отыскивал мебель... в квартире заместителя председателя облисполкома. Оказалось, начальник отдела строительства эту

мебель ему подарил. По сути – банальная взятка, но в ту пору никому и в голову не могло прийти привлечь к уголовной ответственности представителя партийной номенклатуры. Резник по простоте душевной предложил хотя бы изъять гарнитур – тот ведь состоял на государственном балансе. Какой жуткий переполох это вызвало! В итоге молодой талант поблагодарили и отправили куда подальше – в командировку на полуостров Мангышлак, в крошечный городок Форт-Шевченко, где вроде как процветало воровство.

И вот второе дело. Оно тоже оказалось неоднозначным. Изначально расследование началось по факту продажи налево шести ящиков водки, под подозрением была продавщица. Но следователь, присланный с «большой земли», через месяц уехал. Приехавший на его место другой «командировочный» почему-то водкой не заинтересовался, а стал расследовать пропажу десяти бочек селедки. И продавщица из подозреваемой почему-то стала свидетельницей, а тень легла на начальство магазина. Но месяц (всех командировали ровно на 30 дней) истек, и этот следователь тоже уехал. Приехавший на его место новый следак, забыв про водку и селедку, стал расследовать продажу дров. Под подозрение попал уже директор всего совхоза. Продавщица стала главным свидетелем обвинения, которое принимало серьезнейший оборот. А дальше все уже по знакомому сценарию – следователь уехал. И вот теперь приехавший Резник, к общему изумлению, вернулся... к пропаже водки. Он пришел к выводу, что все его предшественники хотели создать громкое дело, чтобы и бонусов у руководства заработать, и прославиться. Вам это ничего не напоминает? Сколько таких дел потом вел Резник, но уже в качестве не следователя, а адвоката! Выходит, что в советскую эпоху, что сейчас принципы работы многих правоохранителей все те же: при малейшей возможности из мелкого преступления сделать серьезное.

Генри Марковичу, ставшему адвокатом, невероятно везло на интересные дела. Точнее, так: за скучные он просто не брался. А чем ярче дело, тем больше было шансов у обвиняемых, что удастся уговорить Резника вступить за них.

Первый процесс стал самым громким в ту пору – так называемое «узбекское дело». Сам Резник назвал его «делом, уничтожившим Советский Союз». А причина такого отношения к нему простая: природа социалистического строя исключала коррупцию, а это дело доказывало, что ею пронизано едва ли не все. По «узбекскому делу» (а это не одно, а множество уголовных дел о взятках, приписках, хищениях, растратах) были осуждены почти 30 тысяч человек, из которых 14 тысяч получили реальные сроки. Вообще впервые по советскому телевидению стали рассказывать о коррупции (до этого само слово упоминалось, лишь чтобы обличать капиталистов), показали горы изъятых у чиновников денег, драгоценностей, слитков золота.

«Хлопковое дело» было частью «узбекского дела» и касалось именно махинаций с хлопком. Резник защищал директора хлопкозавода. Его речь на суде вызвала скандал. Особенно запомнилась фраза: «Главное преступление было совершено не в Узбекистане. Оно было совершено здесь, в Москве, на XXV съезде ЦК КПСС, когда бывший руководитель республики брал нереальные обязательства». Директору завода дали тогда минимум, а министра приговорили к смертной казни. Кстати, Резник утверждает, что приговор привели в исполнение 20 января 1987 года, и это был последний в истории СССР человек,

расстрелянный за экономическое преступление.

Одно из любимых дел, по словам маэстро адвокатуры, – дело нашего коллеги, заместителя главного редактора «МК» Вадима Поэгли. 20 октября 1994 года в «МК» была опубликована статья журналиста под заголовком «Паша-Мерседес» с подзаголовком «Вор должен сидеть в тюрьме, а не быть министром обороны». В ней Поэгли рассказал о покупке Грачевым двух служебных «Мерседесов» на средства для постройки жилья военнослужащим. Министр счел статью оскорбительной, прокуратура выступила в его защиту, и дело оказалось в суде.

Приведу несколько цитат из речи Резника в защиту Поэгли:

«На каком основании возбуждено настоящее уголовное дело и частное обвинение превращено в публичное? Постановление прокурорского генерала не мотивировано. Ссылка на часть 3 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса в нем отсутствует. Остается только строить догадки. Беспомощное состояние Павла Грачева исключается. О зависимости министра обороны от журналиста говорить тоже не приходится. Значит, «особое общественное значение»? Если это так – а, по всей видимости, это действительно так, – то налицо попрание основополагающего конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Оскорбление – преступление против личности, а не против должности. Оскорбленный министр ничем не отличается в правовом отношении, простите, от оскорбленного дворника. Потому что достоинство личности охраняется независимо от занимаемого кресла... После предания гласности следственных материалов в статье «Паша-Мерседес» государственный муж с сознанием чести и с развитым чувством собственного достоинства подает не заявление в прокуратуру – он подает в отставку».

– Резник защищал многих и многих, – говорит экс-глава СПЧ Михаил Федотов. – Вообще, к адвокату обратиться может и жена убийцы, и мать грабителя. Каждый из них имеет право на квалифицированную юридическую помощь. Так что не нужно представлять, что адвокат защищает только невиновных, нет. Но он не преступление оправдывает, а пытается найти смягчающие

обстоятельства или такие, которые указывают на недоказанность вины. Адвокат обязан следовать позиции подзащитного. Если подзащитный говорит, что его там не было, и он этого не делал, адвокат не может сказать «он там был, он это делал, но у него трое маленьких детей». Про троих маленьких детей он может сказать, но он не имеет права говорить, что «он там, конечно, был». Это особенность адвокатской работы, которую Резник делал всегда блестяще. А для меня Генри Маркович был еще и начальником: он возглавлял в течение многих лет адвокатскую палату Москвы, и я, как ее член, должен был следовать его решениям. Он принимал непосредственное участие в создании закона об адвокатской деятельности. Так что он ко всему прочему еще и теоретик адвокатуры.

ЦИТАТА ОТ РЕЗНИКА:

«В уголовных делах я готов защищать последнего мерзавца, а в гражданских защищаю честь и достоинство только тех людей, которые в моих глазах обладают и честью, и достоинством».

Однажды мне довелось лететь с Резником вместе на одно из мероприятий, и мы сидели в самолете рядом. Больше четырех часов я расспрашивала его про его самые любимые дела, про то, как должен поступать адвокат в сложных ситуациях. Вот одна из историй. Я рассказала Резнику про бабушку, которую нашла в женском СИЗО. Обвинялась в убийстве сына. «Да, да, все признаю, это я. Почему убила? Устала от его пьянок». Сокамерницы уверяли, что старушка на себя наговаривает (она, мол, не знает, как стрелять из пистолета, и в руках не удержит его, а вину взяла на себя, чтобы выгородить внука). Защитника я ей нашла через соцсети. И я почему-то надеялась, что он докажет невиновность бабушки. Адвокат не стал тогда разоблачать самооговор, к моему великому изумлению. Генри Резник разъяснил, что он был прав. И мне рассказал несколько подобных историй, в одной мужчина взял на себя вину своей жены. «Человек имеет право распоряжаться своей жизнью», – резюмировал тогда Резник.

«А как быть, когда человек вину сначала признает, а потом заявляет, что это было под давлением или даже пытками?» –

спросила я Резника.

«Представим эту ситуацию. Человек допрашивался с адвокатом, и он признавал свою вину (может, подумал, что все безнадежно, суды не выносят оправдательные приговоры, – в общем, житейская мотивация). Затем он отказывается от своих слов. Может ли суд мотивировать его осуждение тем, что он давал показания с адвокатом и именно поэтому суд берет их за основу? Не совсем. Показания обвиняемого не могут быть положены в основу приговора, если они не подтверждены другими доказательствами по делу. Представим, что человека избили, и этому есть объективное задокументированное подтверждение. Попытки запрещены законом. Есть понятие «плоды отравленного дерева», сущность его заключается в том, что доказательства, добытые на основании незаконно полученных показаний, являются производными от них, а значит, недопустимыми. Но почему же суды их иногда принимают? Посмотрим историю. Раньше как говорили: «Иного пробить – и он правду скажет». В Средневековье пытали, когда хотели узнать правду. И тогда пытка была так обставлена, что речь шла о «виновной осведомленности» (только виновный мог знать о тех обстоятельствах и особенностях, которые были обнаружены на месте). Увы, наши оперативные службы прибегают к пыточным методам. У меня нет сомнений, что сегодня спецслужбы разных стран используют фармакологические способы. Вколют подозреваемому – и он расскажет правду-матку. Но если полученные таким образом доказательства ничем не подтверждены, их нельзя положить в основу приговора. Если есть и другие доказательства и они все-таки согласуются, то на основании совокупности показаний суд их принимает».

Резник против смертной казни

Как убежденный противник высшей меры, Резник ссылается на криминологические знания о природе и причинах преступности, а также

на статистические данные за более чем две сотни лет. И главное здесь – смертная казнь преступность не снижает. «Более того,

отмечается противоположная тенденция: спустя несколько лет после введения смертной казни число насильственных преступлений увеличивается, – говорит Резник. – Объяснение – смертная казнь ожесточает нравы. Совершая «юридическое убийство», лишая жизни полностью обезоруженного, беспомощного человека, государство ставит себя на одну доску с преступником. Возникает парадокс: «государство убивает для того, чтобы доказать, что убивать нельзя».

Эти слова Резник произнес несколько лет назад. И тогда он пояснил, что говорит только об убийствах, поскольку в российском Уголовном кодексе лишь за их совершение предусмотрена смертная казнь. При этом Резник добавлял, что каких-то 25 лет назад расстреливали за целый ряд ненасильственных преступлений – к примеру, за измену Родине, шпионаж, хищение, взяточничество и т.д. И это, по словам Генри Марковича, не останавливало преступность (она росла, но цифры были засекречены).

Ах, Генри Маркович, вряд ли вы тогда могли предположить, что пройдет совсем немного времени и максимально суровое наказание (только это не смертная казнь, а пожизненное лишение свободы) в России будет вновь введено за госизмену, что получить его можно будет и за ряд ненасильственных преступлений.

А в качестве очередного аргумента против смертной казни приведу здесь историю, рассказанную Резником. В 1956 году во дворе дома одного из шахтерских поселков тогда Казахской ССР нашли мешок с полуразложившимся трупом. Местные жители опознали в нем Тоньку Каблукову. Опознали по росту, по сломанному мизинцу и отсутствию нескольких зубов. Сразу заподозрили мужа-шахтера по имени Николай. Дело в том, что Тонька была дамой гулящей, любила выпить и имела любовника. Муж ее за это бил, но на развод не подавал. Соседи говорили, что слышали его слова «убью» и что как-то отобрали у него топор. Задержали мужа, он по фото опознал жену, но в убийстве отказывался признаваться. В конце концов его «убедили», что лучше сознаться. Судили публично, народ лютовал и требовал

«вышки» для Николая. Суд вынес смертный приговор. Но уголовная коллегия Верховного суда Казахской ССР смягчила наказание (как говорит Резник, не иначе «шестое чувство» судьям подсказало). И вот отбывает Николай наказание уже как год. А к следователю, который вел это дело, на прием пришла женщина со словами: «За что мужика моего посадили?» Это была Тонька Каблукова собственной персоной! Выяснилось, что она уехала от побоев в другой город. И потом решила позвонить в поселок, спросить, как там муж. А ей там ответили, что сидит Николай за ее убийство...

«Дело это ярчайше иллюстрирует, пожалуй, самый мощный аргумент против применения смертной казни – риск необратимой судебной ошибки» – это слова Резника. Кстати, адвокат уверяет, что, когда Николая освободили, он сошелся с Тонькой.

О преступности Резник много и говорил, и писал в том духе, что ее искоренить нельзя и она будет существовать, покуда жив человек. «Нынешняя преступность по определению не может быть низкой. Невесело, конечно, но и отчаиваться не следует. В течение тысячелетий общество живет с преступностью. И ничего – развивается, временами даже бурно. При этом делает то, что может, – держит преступность под контролем».

Как Резник в пикете стоял

– Генри Маркович всегда был человеком активной гражданской позиции, – продолжает Михаил Федотов. – Он относится к адвокатам-правозащитникам, а «этот вид редко встречается в природе». Такими адвокатами-правозащитниками

были Софья Васильевна Каллистратова, Дина Исааковна Каминская, Борис Андреевич Золотухин. Они защищали права человека, право на свободу слова, на свободу выражения, не останавливались ни перед чем. И за это они подвергались различным репрессиям (как пример – Бориса Андреевича Золотухина несколько раз исключали из партии). Это неудивительно, что Резник является членом Московской Хельсинкской группы. И то, что сейчас эту группу ликвидировали как юридическое лицо, ничего не меняет. Потому что группа создавалась как неформальное объединение людей с правозащитной сущностью и правозащитным миропониманием в глубоко советское время, и она таковой и останется в любой период. Однажды он вышел на одиночный пикет. Встал с плакатом у памятника Бродскому. Он это сделал, потому что было нестерпимо промолчать. Резник вел дела «pro bono» (от латинского – «ради общественного блага»), то есть бесплатно, защищая правозащитников, защищая правозащитные организации (общество «Мемориал», признанное иноагентом). Это о нем много говорит.

Напомню, что Резник являлся членом Общественной палаты первого созыва и был там очень активен. Видимо, слишком активен, и его кандидатура больше не выдвигалась. А мне показалось обидным, что такой замечательный человек не несет больше свою гражданскую ношу, недорабатывает немножко, так сказать. И я подумал, что можно еще его нагрузить, и пригласил его в состав СПЧ. Его кандидатура не вызвала никаких возражений. Он всегда

очень активно выступал на наших дискуссиях, на встречах с президентом, он всегда был готов к выступлениям, и он в советах не нуждался.

..Несколько лет назад мы с Генри Резником в составе российской делегации были в одном из самых страшных мест планеты – там, где функционировал в годы войны фашистский концлагерь Освенцим. Резник на той земле, пропитанной кровью и пеплом от человеческих тел, сказал:

– Уроки, которые, как мы считаем, человечество должно было выучить, оно выучивает плохо. Сколько сегодня вражды, средневековых насилий. Фашизм, который позволил себе глумление над человеческой личностью, просто над живым человеком, был побежден в 1945 году. Были даны все оценки, был Нюрнбергский процесс... Но что-то не работает, согласитесь, если есть голод, пытки в самых разных концах земли. Из этого места должен быть исторгнут не только плач, но и вопль требования справедливости.

Как сказал Федотов, Генри Маркович всегда кокетничал своим возрастом. «Когда я его приглашал войти в состав СПЧ, а это почти десять лет назад, он говорил: «Ну куда, я старый человек». Его реальный возраст не имеет никакого отношения к возрасту, написанному в паспорте. Он намного моложе физически и духовно. Поэтому когда говорите «85», какое там – 64 максимум. С юбилеем, адвокат «80-го уровня»!

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold font. The 'M' and 'K' are blue, while the 'R' and 'U' are red. The letters are slightly shadowed, giving them a 3D appearance.